

ДОМИНИК МЕНГЕНО

Школьный дискурс Третьей республики о языке и колонизации

Твоя не говорить франсе? Твоя еще немного
горилла? А как твоя умеет говорить? Кускус?
Мабилиа? Твоя дурак! Бушмен! Совсем дурак!

*Л.-Ф. Селин. Путешествие на край ночи
(пер. с фр. Ю.Б. Корнеева)*

Как распознать «варвара»? Учебник истории А. Эмара, предназначенный для средних классов, отвечает нам так: «Варвары безграмотны и всегда в ссоре, поскольку у них нет ни школ, ни хороших судей»¹. Если отсутствие школ — отличительный признак варварства, становится понятно, отчего колонизатор любит обосновываться в роли устроителя школ, где преподавался бы его собственный язык, язык цивилизации. Такой способ вмешательства нуждается в идеологии, которая делает его допустимым и легитимным. Лучшее средство прояснить такую идеологию — это, как нам кажется, обратиться к дискурсу, производимому государственной школой, современницей колониальной экспансии. Это оправданно, поскольку, в широком смысле, школьный дискурс образует в этот период центральное звено идеологической индоктринации массы населения (в той мере, в какой он предназначен легитимировать весь политический курс Третьей Республики²), но также поскольку сама школьная институция играет ключевую роль в [формировании] этого дискурса.

Когда изучаешь учебники республиканской школы, одна вещь сразу бросается в глаза: отсутствие специфического дискурса о колонизации. На самом деле, постоянно используются одни и те же семантические сети, и колонизация — лишь одна из областей их валидации. Внутри этого единства нельзя выделить языковую политику как таковую: она неотделима от определенного способа мыслить историю и ту роль, которую в ней предназначено играть Франции. Эта историография организована вокруг простейшей ди-

¹ Histoire de France. Cours élémentaire et moyen. Paris: Hachette, 1932. P. 13.

² «Третья Республика» — период функционирования республиканского политического режима во Франции с 1870 по 1940 гг. — *Прим. перев.*

намики «Прогресса»: «Сегодня лучше, чем прежде. Завтра будет лучше, чем сегодня. Это и есть Прогресс»³.

Так заключает учебник для младших классов. На другом конце образовательной лестницы учебник морали для учителей⁴ говорит о «невиданной Энергии на пути движения к сознанию, ко все более насыщенной, высокой и всеобъемлющей духовной жизни»⁵. Такое видение истории позволяет установить объективную иерархию народов в зависимости от степени их «продвижения» к этому Прогрессу: нынешние «дикари» находятся приблизительно в той же ситуации, что и первые люди, тогда как наиболее цивилизованные, Европейцы, возглавляют колонну человечества на марше. И Франция шествует в самой ее голове, поскольку именно ей принадлежит роль огненосца: «Французский философский ум шагает в авангарде; он как свет, освещающий мир, как маяк, указывающий путь следования»⁶; «Франция — это страна, которая наилучшим образом соединила свой интерес с интересом человечества»⁷.

Эта метафора «света, освещающего мир» играет ключевую роль в данном дискурсе, который постоянно связывает то, что он отбрасывает в тень, с тем, что он утверждает на свету. Так, дикость, необразованность, суеверия и т.д. — не являются ли все они ночными силами, противостоящими ясным принципам республиканской морали и рациональности? Конфликт между тьмой и светом, театром которого является Прогресс, на самом деле происходит в каждом индивиду, который вписан в историю человечества и в то же время — в историю Франции: «Нам самим нужно осмыслить и избрать национальное наследие: что мы продолжим? Легковерие и насилие? Продолжим ли мы в настоящем и будущем варварство, которое проявляется в религиозных войнах, инквизиции, карательных экспедициях против гугенотов, красном и белом терроре? (...) Поработаем, чтобы сделать наше Отечество более справедливым, великодушным, гуманным, одним словом, более разумным. Отвергнем дикое наследие наших галльских предков и поработаем над тем, чтобы распространить наш идеал справедливости. Да воссияет Франция в мире самым чистым светом, да будет она через свой пример, через своих мыслителей воспитательницей наций, чьи идеалы тусклы»⁸. Поэтому преступники «воспроизводят черты характера предков каменного века, и ужас, который они нам внушают, доказывает, какого прогресса достигла большая часть расы»⁹.

В этих условиях республиканский учитель — это тот, кому поручено повторить в школьном цикле переход от дикости к цивилизации, от детства — к взрослому возрасту: «Учитель — это тот, кто принимает ребенка в состоянии интеллектуального ничтожества примитивного человека, кто приводит его к обладанию сокровищем знаний, накопленных благодаря сотрудничеству

³ Blanchet D., Toutain J. L'Histoire de France à l'école. Belin, 1911. Лекция 23.

⁴ В данном тексте речь идет об «instituteurs» — учителях младших классов или воспитателях детских садов. — *Прим. перев.*

⁵ Payot J., Colin A. Cours de morale. P. 233.

⁶ Martin et Lemoine. Lectures choisies... Paris, 1905. P. 208.

⁷ Высказывание Мишле, приводимое в: Buisson F. Leçons de morale. Paris: Hachette. P. 192.

⁸ Payot J., op. cit., p. 177.

⁹ Ibid., p. 21.

ву череды поколений. Он освобождает его из пут материального мира»¹⁰. На национальном уровне это восхождение к разуму переводится в сферу языка как искоренение местных наречий.

Следуя по этому пути, республиканская школа воспроизводит идеал, провозглашенный Французской революцией в знаменитом «Докладе» 1794 г. о «необходимости и средствах уничтожения местных наречий и всеобщем использовании французского языка»¹¹. Дискурс, производимый государством в отношении местных наречий — тот же самый, что в отношении языка колонизируемых: французский язык, вовсе не простой инструмент коммуникации среди многих других, оказывается, по сути, привилегированным средством доступа к ясному свету разума. И наоборот, местные наречия и язык колонизируемых оказываются тесно связаны с мракобесием, инерцией и т.д. Это привилегия, предоставленная французскому языку, объясняется таким его свойством как «ясность»: «Он ясен, отчетлив и точен: ему не свойственно представлять мысль более дельной, чем она есть, он позволяет видеть, чего стоит идея. Он враг выпренности, высокопарности, словоблудия; он не допускает никаких двусмысленностей. Вот почему французский — язык, наилучший для науки...»¹² По ту сторону частных аргументов здесь совершается акт идеологической веры: благодаря своим собственным достоинствам французский язык позволяет сознанию быстрее вырваться из тьмы.

Становится ясно, что в колонизаторской идеологии учеба в школе, обучение французскому языку и получение доступа к разуму совпадают, как это происходит в случае метрополии, где республиканский дискурс сталкивается с «отстающей» расой. В этом отношении размышления Феликса Пеко (одного из идеологов школьного аппарата) о баскских детях крайне показательны: «Отважные учителя отвоевывают эти баскские умы, чуждые языку, принципам, навыкам мышления, чуждые моральным, национальным, либеральным чувствам Франции; они отвоевывают этих детей другой расы, другой традиции у бессознательной и неразмышляющей жизни, у суеверий, у варварства, они приучают их думать, размышлять, говорить. (...) Это заслуживает уважения и симпатии. Симпатии заслуживают также инспекторы, думающие, активные, последовательные, которые там, далеко, так далеко от центра, исполняют свою цивилизаторскую работу во имя французского языка и ума»¹³. Прежде всего именно при помощи французского языка детей вырывают из «варварства» и суеверий.

Баски находятся на самом краю национального пространства: по пересечении моря речь идет уже о колонизированных, но дискурс остается тем же самым. Однако теперь уже весь французский народ, колонизаторы, выступают в роли просвещенного учителя, чья миссия — помочь нижестоящим народам достичь света. Этим последним остается лишь выразить свою благодарность учителю, избавившему их от ночной тьмы: «И нас благословят эти

¹⁰ Payot J., *op. cit.*, p. 155.

¹¹ Доклад, сделанный аббатом Грегуаром; см. об этом: Certeau M. de, Julia D., Revel J. *Une politique de la langue. La Révolution française et les patois*. Paris: Gallimard, 1975.

¹² Buisson F. *Leçons de morale*, p. 73.

¹³ *Quinze ans d'éducation*, p. 148.

вразумленные расы, кому мы поможем быстро миновать этапы, на прохождение которых, со времен галлов, мы затратили около двух тысяч лет»¹⁴. Здесь гораздо больше, чем в случае басков, сознается необходимость языковых перемен. Если взять пример бушменов, превосходство французского языка предстает ошеломляющим: «Язык бушменов столь беден, что они даже не могут объясняться в темноте: их жесты призваны восполнить нехватку слов. У них нет отвлеченных идей, а потому их разум остается до крайности приземленным»¹⁵.

Можно улыбнуться, глядя на подобную лингвистическую нелепицу, однако следует понимать, что за воображаемое ее обосновывает: язык народа, чье сознание погружено во мрак, не способен пронизать эти потемки. Вот откуда привилегия, предоставленная идеально «ясному» языку, в данном случае французскому. Картина бушменских нравов полностью соответствует этой словесной бедности: «Почти голые, они не умеют строить жилища, а их общественный строй не поднимается выше племени, образованного из семей. Они привержены грубому фетишизму и не признают превосходства человека над животными. Путешественники полагают даже, что им не ведомо чувство родительской любви. Маленькие и более уродливые, нежели обезьяны, на которых они походят своими манерами, они менее темные, чем негры»¹⁶. Можно сказать, что тревожный эпиграф к настоящему тексту, где слишком ревностный колониалист характеризует бушмена через принадлежность к обезьяньей расе и неспособность говорить по-французски — лишь карикатурное сгущение чего-то, что осмысливается в более систематической форме другими дискурсами.

Таким образом, цивилизаторская программа становится полностью ясной: достаточно открыть школы и преподавать там французский, чтобы вырвать дикарей из их прирожденного варварства. Исторические труды расцвечены образами, представляющими во всех мыслимых формах спектакль «колониальная школа». Один из учебников, например, рисует нам генерала Гальени за посещением мадагаскарской школы под открытым небом, где он наблюдает маленьких чернокожих, проходящих инициацию французским¹⁷. Очищающая сила французского языка связана с тем, что в силу своих внутренних требований он приходит в резкое столкновение с обычаями, которые расцениваются как дикарские: «Как и тело, ум вскоре становится способен к активной жизни, если он не выполняет регулярной и упорной работы. Праздный дух впадает в апатию, подобную той, в которой живут дикари. Они посвящают некоторое усилие наблюдению и размышлению, лишь когда сильное желание или близкая опасность побуждает их к этому — при этом наблюдению и размышлению беглым и неточным, поскольку точность достигается лишь привычкой к кропотливой работе»¹⁸. Не является ли именно «точность» главным достоинством французского языка? Кроме того, можно

¹⁴ Payot J., op. cit., 106.

¹⁵ Ibid., p. 9.

¹⁶ Foncin P. Les cinq parties du monde. Paris: Armand Collin. P. 155.

¹⁷ Aymard A. Histoire de France. Premier livre. Paris: Hachette, 1933. P. 92.

¹⁸ Payot J., op. cit., p. 47.

видеть, что французский выступает языком, который позволяет разрушить чары «смутной мечтательности, где слова и образы узурпируют место, принадлежащее реальности»¹⁹. И далее в том же духе.

Языковое предприятие колонизатора обнаруживает исключительно престижную опору в факте колонизации Галлии римлянами, которым открывается история Франции. Двум историческим периодам в точности соответствуют два события: «Римляне были гораздо образованнее галлов. Они умели читать и писать. Они знали арифметику и геометрию. Они знали грамматику и правила правильной речи. Этим и другим вещам они учились в школах. Галлы посещали их школы. Они изучали язык римлян, который назывался латинским. Позже латинский, со множеством изменений, стал языком, на котором говорим мы – французским языком»²⁰. И точно так же ребенку предлагают осмысливать французскую колонизацию: «Римские колонисты пришли обосноваться в Галлии, как французы собираются в наши дни обосноваться в Алжире»²¹. Французский язык, прямо восходящий к латинскому, оказывается отнесен к самым вершинам тех же цивилизаторских прерогатив.

Однако воплощение этого идеала наталкивается на трудности. Феликс Пеко, приветствовавший борьбу учителей против мракобесия баскской расы, признает себя обескураженным теми препятствиями, которые встречает на своем пути воля цивилизовать посредством языка: «Велико усилие Франции, чтобы посредством языка осуществить моральное присоединение [к нам] арабов. Возможен ли здесь успех? Многие, и среди них самые компетентные, это оспаривают (...) Огромная трудность заключается в их состоянии интеллектуального детства: необразованности, непредусмотрительности, нерадивости. И еще одно – это их религия. Среди всего прочего она предстает самым непреодолимым»²². Таким образом, пределом «морального присоединения посредством языка» оказывается глубина культурной укорененности. Тема, всю важность которой нам еще предстоит оценить.

Перевод с фр. Александра Бикбова

¹⁹ Payot J., op. cit., p. 195.

²⁰ Lavis E. Histoire de France. Cours moyen. P. 12.

²¹ Rogie L., Despique P. Histoire de France. Librairie F. Juven, 1907. P. 12.

²² Quinze ans d'éducation, p. 372.